

ПРОСТРАНСТВО ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Детство в русской литературе XIX века – это, по большей части, идиллическое и идеальное время жизни, которому соответствует столь же идиллическое пространство: уютный, защищенный дом, пронизанный множеством родовых и родственных связей, населенный, по преимуществу, заботливыми взрослыми людьми. Даже сюжеты об бездомных детях и сиротах, как правило, увиденны «изнутри дома» (дом как точка отсчета), а благополучная развязка непременно включает в себя обретение дома или возвращение домой.

Каким на этом фоне предстает пространство детства в художественном мире Ф. М. Достоевского? Каковы векторы переосмысления традиционных топосов «детского мира» в его творчестве? В предлагаемом сообщении предпринимается попытка рассмотреть пространство детства сквозь призму оппозиции «дом-бездомность», задающей одну из осевых линий не только художественного дискурса писателя, но также его религиозно-философской картины мира (ср. данное Достоевским в речи о Пушкине определение современного человека как «русского бездомного скитальца»).

Как отмечает большинство исследователей, «герои Достоевского не живут домом»; в лучшем случае, он присутствует как воспоминание (напр., «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Идиот» и др.), отчасти порожденное неустройством и тоской героя, как символ необратимо утраченного «золотого века». В этой связи весьма показательным воспоминанием Алеши Карамазова о доме детства как пространстве молитвы, явственно противопоставленном карамазовскому «жилию».

Столь же бездомным оказывается в художественном мире Достоевского детство.

Даже если «внешне» дом есть, он, как правило, лишен тепла (ср. «Холодный дом» Диккенса, оказавшего существенное влияние на Достоевского), и самой жизни, которая наполняет его смыслом (отсюда и оксюморонная метафора «мертвого дома», так или иначе присутствующая практически во всех произведениях), из него, как признается князю Мышкину младшая дочь генерала Епанчина Аглая, «хочется бежать» (8; 357 – 358). Если же принять во внимание, что детство для Достоевского – не столько возрастная, сколько нравственная (дети «очеловечивают нашу душу» – 22; 68) и даже метафизическая категория («лик ангельский»; ср. «дите» в «Братьях Карамазовых»), становится очевидно, что и детская бездомность приобретает в произведениях Достоевского не столько «локальный» или социальный, сколько метафизический характер, осмысливается в евангельской перспективе и как «бездомность младенца-Христа» (на жанровом уровне это проявляется в несомненном тяготении повествований о детстве к поэтике святочного рассказа), и как напоминание о Сыне Человеческом, не имеющем, «где приклонить голову». Бездомность роднит ребенка и с юродивым, у которого по определению «на земле нет дома» (Ю. де Бособр), ибо он призван напомнить миру о неотмирной реальности¹. ***Неслучайно (что также не раз отмечалось исследователями) наиболее «неотмирные» герои Достоевского – независимо от возраста – прямо или косвенно уподоблены детям, тогда как герои, живущие исключительно по законам «века сего», совершенно лишены детских черт.***

Детская «бездомность» в творчестве Достоевского указывает не только на бесчеловечность, «разложение» мира (ср. подготовительные записи к «Подростку»:

«Во всем идея разложения, ибо все врозь и не остается связей...не только в русском семействе, но даже просто между людьми»). Как представляется, пространство детства осмысливается писателем по апофатическому принципу. У ребенка нет места («дома»), потому что мир в его нынешнем состоянии не способен «дителя принять». Поэтому пространству детства противостоят все земные топосы – город, «здание человеческого счастья», ибо его предполагается построить «на слезинке ребенка», и даже дом (ср. содержащиеся в «Дневнике писателя» заметки об истязаниях детей в родительском доме). Ребенок в художественном мире Достоевского не только «локально», но онтологически бездомен, и здесь Достоевский намечает одну из ключевых для европейской литературы XX века, особенно второй его половины, тему «радикальной бездомности» (Б.Уолш)². Но если в европейской литературной традиции бездомность, как

правило, не преодолевается, а констатируется как единственно возможный модус бытия личности, у Достоевского намечен выход: за враждебными ребенку «ситуативными топосами» открывается эсхатологическая перспектива. Идеальным пространством детства в художественном мире писателя становится пространство Царства (см., напр., «Мальчик у Христа на елке», «Братья Карамазовы» и др.) очертания которого проступают там, где безысходность человеческого бытия преодолевается состраданием и «действенной любовью».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом: *еп. Диоклийский Каллист (Уэр)*. Юродивый как пророк и апостол. // Каллист (Уэр). Внутреннее царство. Киев, 2004.

² См. *Walsh B. J.* Homemaking in exile: Homelessness, postmodernity and theological reflection. In *Reminding: Renewing the mind in learning*. 1-2. Sydney, 1996.